

КОНЦЕПЦИЯ

УДК 167

DOI: 10.32326/2618-9267-2025-8-1-6-25

Э. КАССИРЕР И Г. ХАРМАН О ВОПРОСЕ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ: ГРАНИЦЫ КОНСТРУКТИВИЗМА И РЕАЛИЗМА

Абрамычев Михаил Михайлович – преподаватель, НГПУ им. Козьмы Минина. Российская Федерация, 603952, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1; аспирант. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23; e-mail: abramychevmm@gmail.com, ORCID: 0000-0003-0043-0644

Статья посвящена анализу специфики научного познания. Посредством реконструкции философских идей Э. Кассирера и Г. Хармана демонстрируются существующие подходы к трактовке познания. Наследие Кассирера и Хармана используется не столько с целью сопоставления идей философов, сколько для того, чтобы обозначить неэффективность гиперболизации существующих позиций реализма и конструктивизма. В статье показывается, что Э. Кассирер, будучи представителем Марбургской школы неокантианства, значительное внимание уделяет вопросам эпистемологии, обозначая априорный характер научного познания. Если с точки зрения неокантианства вопрос о существовании реальности вне субъекта познания лишён смысла, то в объектно-ориентированной онтологии Г. Хармана манифестируется онтологическая недоступность реальности. В результате последовательного анализа философии Хармана автор приходит к выводу, что взгляд американского философа на научное познание нельзя считать последовательным и убедительным. Для прояснения специфики познавательной активности человека автор вводит идею «сопротивление природы», трактует её как наличие неполноты в существующих научных теориях и рассматривает в качестве маркера для выявления наиболее релевантной перспективы научного познания. С этой точки зрения реализм, декларирующий реальность объектов науки, и конструктивизм, отрицающий независимость реальности от субъекта, не позволяют концептуально зафиксировать сопротивление природы. Более того, на примере идей Кассирера и Хармана в статье демонстрируется, что последовательная реализация позиций конструктивизма и реализма не приводит к пониманию действительной природы научного познания, которое рассматривается в настоящей работе в качестве комплексного. Результатом исследования является вывод о необходимости синтеза двух позиций, осуществлённый в рамках концепции конструктивного реализма В.А. Лекторского. С точки зрения автора статьи, данная концепция не просто согла-

суется с идеей сопротивления природы, позволяя концептуально осмыслить её, но и проливает свет на реальное содержание познавательной деятельности.

Ключевые слова: Кассирер, Харман, сопротивление природы, объектно-ориентированная онтология, неокантианство, конструктивный реализм, эпистемология, наука

Цитирование: Абрамычев М.М. Э. Кассирер и Г. Харман о вопросе научного познания: границы конструктивизма и реализма // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2025. Т. 8. № 1. С. 6-25. DOI: 10.32326/2618-9267-2025-8-1-6-25

Рукопись получена: 30 января 2025

Пересмотрена: 10 апреля 2025

Принята: 14 апреля 2025

E. CASSIRER AND G. HARMAN ABOUT THE QUESTION OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE: THE LIMITS OF CONSTRUCTIVISM AND REALISM

Mikhail M. Abramychyev – Lecturer. Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University). 1 Ulyanova St., Nizhny Novgorod 603002, Russian Federation; PhD Student. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 23 Gagarin Ave., Nizhni Novgorod 603022, Russian Federation; e-mail: abramycheyvmm@gmail.com, ORCID: 0000-0003-0043-0644

The article investigates the positions to the interpretation of scientific knowledge. By reconstructing the philosophical ideas of E. Cassirer and G. Harman we demonstrate the existing approaches to the interpretation of cognition. We use the personalities of Cassirer and Harman not to compare the ideas of the philosophers, but rather to point out the unproductivity of hyperbolising the current positions of realism and constructivism. We demonstrate that E. Cassirer, a representative of the Marburg school of neokantianism, pays special attention to the issues of epistemology. From his point of view, scientific knowledge has an a priori nature. If from the point of view of neocantianism the question of the existence of reality outside the subject of knowledge is meaningless, the object-oriented ontology of G. Harman manifests the ontological unavailability of reality. As a result of analysing Harman's philosophy, we argue that the american philosopher's view of scientific knowledge can't be considered consistent and convincing. To clarify the nature of human knowledge activity we introduced the idea of «resistance of nature». We understand the resistance of nature as the incompleteness of existing scientific theories. We use this idea as a marker to identify the most relevant perspective for scientific knowledge. From this perspective, realism, which declares the reality of the objects of science, and constructivism, which rejects the independence of reality from the subject, doesn't allow us to conceptually fix the resistance of nature. Also on the example of Cassirer and Harman, we argue that the consistent realisation of the positions of constructivism and realism

doesn't lead to an understanding of the actual nature of scientific knowledge. The result of the investigation is the conclusion about the necessity of synthesis of the two positions, realised in the concept of «constructive realism» of V.A. Lektorsky. From our point of view, this concept is not only consistent with the resistance of nature, allowing us to conceptualise it, but also brings to light the real essence of cognitive activity.

Keywords: Cassirer, Harman, resistance of nature, object-oriented ontology, neokantianism, constructive realism, epistemology, science

How to cite: Abramychev, M.M. (2025). E. Cassirer and G. Harman about the question of scientific knowledge: the limits of constructivism and realism. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 8 (1): 6-25. DOI: 10.32326/2618-9267-2025-8-1-6-25 (In Russian).

Received: 30 January 2025

Revised: 10 April 2025

Accepted: 14 April 2025

Предварительные замечания к вопросу о познании природных объектов

Знаменитый тезис Л. Витгенштейна, гласящий, что «мир есть совокупность фактов, а не предметов» (Витгенштейн, 2022), привёл к важному философскому следствию о взаимосвязи всех предметов опыта, которые никогда не предстают в изолированном виде. В этом смысле сама природа познания мира стала восприниматься как возможность выявлять отношения между теми или иными объектами, так как только в отношении к другим – например, при следовании – объект раскрывает своё содержание. Стоит заметить, что указанный взгляд не является открытием Витгенштейна, но философ в представленном тезисе удачно суммировал целый ряд исследовательских позиций, сходящихся в своём видении гносеологии и онтологии.

Между тем современная философия предлагает иной взгляд на объекты. Его характерной особенностью является стремление рассмотреть объекты как существующие, во-первых, вне нашего мышления и, во-вторых, независимо друг от друга. Амбициозность поставленной задачи сравнима с задачей, сформулированной Витгенштейном в «Логико-философском трактате», поскольку в обоих случаях возникает ситуация, при которой нет возможности сказать о подразумеваемом, а можно только указать на него. Представителем современного философского подхода к объектам, помимо прочих, является Г. Харман. В рамках своего проекта объектно-ориентированной онтологии он последовательно отстаивает идеи автономности объектов.

Сложность задачи, стоящей перед Харманом, во многом связана с тем, что постулируемый онтологический характер автономности

объектов, в свою очередь, требует проработки вполне определённой эпистемологической модели. Именно на этом этапе концепция Хармана окончательно теряет свою убедительность. Предлагается определённым образом проанализировать объектно-ориентированную философию, что позволит выявить не только слабые места в проекте Г. Хармана, но и обозначить контуры имеющейся релевантной онтологической и вместе с тем эпистемологической картины мира.

Учитывая поставленные задачи, следует подойти к объектно-ориентированной онтологии с противоположного фланга, сопоставив её с философским проектом, построенным на антагонистических принципах. Такой проект, в частности, представлен в виде генетической концепции знания, принадлежащей представителю Марбургской школы неокантианства Э. Кассиреру. В этом смысле философия Кассирера, как и вся традиция критической теории познания, составляет основу того, что Г. Харман, К. Мейясу и другие представители спекулятивного реализма называют философией корреляционизма, постулирующей неразделимую связность бытия и мышления. Также следует отметить ошибочное рассмотрение идей Э. Кассирера в качестве второстепенных в истории философии. Сторонники этого взгляда упускают важный вклад немецкого философа в общее развитие кантианской мысли, которая в генетической концепции познания трансформируется в соответствии с состоявшимися научными открытиями, в том числе с принципами теории относительности А. Эйнштейна.

Иными словами, выбор Э. Кассирера и Г. Хармана в качестве условных интеллектуальных оппонентов позволит рассмотреть противоположные позиции, выраженные на языке эпистемологии в терминах конструктивизма и реализма, а также затронуть тему объективности в научном познании. Две противоположные позиции укажут не столько сложность самих познавательных практик, сколько, как будет показано далее, противоречивость последовательной реализации стратегий конструктивизма и реализма. В свете указанной противоречивости будет предложен иной вариант понимания познавательных практик, который опирается на вводимую в научный оборот идею «сопротивление природы», служащую для объяснения специфики научного познания.

Конститутивный характер познания и предпосылки неокантианской философии

Вопрос о природе человеческого познания является одним из ключевых сюжетов в истории философии. Он стал особенно острым после того, как И. Кант обосновал существование определённого гносеологического каркаса, который носит характер *a priori* и обуславливает возможность опыта как такового. Трансценденталь-

ная эстетика Канта определила априорный статус категорий пространства и времени, принципиально не выводимых из опыта, а напротив, организующих этот опыт. Следовательно, трансцендентальная схема пространства-времени указывает на механизм объективации, в результате которого конституируется объект познания и появляется возможность получить знания о нем.

Кантовское *a priori* закономерно столкнулось с проблемами ровно в тот момент, когда учёные переосмыслили фундаментальный характер пространства и времени. По Канту, интуитивное представление о пространстве и времени выражается в форме евклидовой геометрии, которая со временем стала считаться недостаточной. Это обстоятельство, в частности, является предметом дискуссий в среде представителей неокантианской философии, поскольку оно опровергает конститутивный характер познания человека, принятый в качестве исходной пропозиции в кантианской философии. Одним из направлений такой дискуссии является переопределение априорного каркаса как имеющего более подвижный характер.

В рамках настоящего исследования не ставится задача рассмотреть рецепцию кантовских идей в неокантианской философии, поэтому ограничимся тем, что укажем на отсутствие однородности этого течения и подробнее остановимся на неокантианской Марбургской школе. Так, М. Фридман указывает на общую позицию Марбургской и Баденской (известной также как Юго-Западная) школ неокантианства, которая заключается в том, что их представители «полностью отвергают идею независимой способности чистой интуиции» (Фридман, 2021, с. 53). Здесь же можно отметить отказ Г. Когена и других представителей неокантианства от «вещи самой по себе» (Свасьян, 1989, с. 44). Отдельного внимания заслуживают и различные подходы двух школ, что выражается, в частности, в отличающихся трактовках связи «между математикой и областью чистой логики» (Фридман, 2021, с. 56).

Конститутивный характер познания в неокантианской философии связан с провозглашением особого статуса математики для всей группы наук. Такую позицию мы обнаруживаем в работах представителей Марбургской школы Г. Когена и П. Наторпа, последователем которых следует считать и Э. Кассирера. Г. Коген последовательно развивает априорную концепцию познания, указывающую, что мышление конструирует не только форму, но и содержание познания. Мышление, хотя и определяет содержание предмета познания, однако «не предмет является априори, но только способность познания» (Коген, 2012, с. 197). Для Когена первоочередной стала задача объяснения актуального состояния науки – механика Ньютона и геометрия Евклида, определявшие систему координат Канта, во времена Когена активно преодолевались благодаря научным открытиям. Сложившуюся ситуацию Ко-

ген объяснял как реализацию чистого мышления, что также привело к отказу от понятия «теория познания» в пользу «критика познания», более соответствовавшему духу кантианских идей (Коген, 2010, с. 227).

Схожей позиции придерживается и П. Наторп, считавший приоритетной задачей обоснование чисто логического характера научного познания. Научное знание есть конструкция чистого мышления, в котором нет места для опыта. В этом смысле Наторп утверждает, что пока господствуют невнятные утверждения о существовании предмета без отношения к познанию и «что при этом он, тем не менее, должен быть доступным познанию, до тех пор на вопрос о последнем отношении между познанием и предметом нельзя дать удовлетворительного ответа» (Наторп, 2006, с. 64). Предмет здесь растворяется в методе, становясь задачей, обеспечивающей движение научного познания. В некотором смысле это нетривиальная задача для всего научного познания, требующая «своего решения и тем самым превращающаяся в бесконечный процесс долженствования» (Огурцов, 2000, с. 193).

В кратком обзоре идей двух представителей Марбургской школы были выделены главные темы, представляющие интерес в среде неокантианцев. Здесь отчётливо формулируется идея о корреляции бытия и мышления, теории и реальности. С точки зрения Когена и Наторпа, нет смысла говорить о реальности вне теории, поскольку внутри теории конструируется сама реальность. Предшествует теории только «неопределённый X, а реальность становится итогом исследования и построения объясняющей теории» (Сокулер, 2021, с. 391). Существенный вклад в этот процесс трансформации вносит и Э. Кассирер, который пересматривает традиционное положение об образовании понятия и тем самым выводит априорную концепцию знания из-под удара критики, опирающейся на открытия А. Эйнштейна.

Проблемы реализма в свете понятия функции Э. Кассирера

Теоретические разработки Э. Кассирера, во многом развивавшие идеи Марбургской школы, приобрели свою финальную форму в работе 1910 г. *Substanzbegriff und Funktionsbegriff*, вышедшей спустя два года на русском языке под названием «Познание и действительность. Понятие субстанции и понятие функции».

В этой работе Кассирер стремится преодолеть господствующую в философии со времён Аристотеля концепцию, которая рассматривает образование понятий как результат абстрагирования качеств предметов. В основе этого абстрагирования лежит понятие субстанции, определяющее все логические построения Аристотеля. Уже в «Категориях» Аристотель пытается прояснить то, каким образом родовидовые различия позволяют упорядочивать многообра-

зие вещей (Аристотель, 1976, с. 53-60). Выводя десять категорий, Аристотель сначала не претендует на схватывание онтологической структуры, но только на выведение классов высказываний. Уже после этого, в «Метафизике», Аристотель придаёт категориям онтологический характер, что выражается в приписывании субстанции отдельных качеств. По этому поводу Бозций замечает, что «предметы, которые чем-либо различаются между собой, непременно должны обладать собственным признаком (*proprium*), позволяющим каждому из них сохранять особую, единственную в своём роде форму. При этом собственный признак – совсем не то, что признак приходящий (*accidens*)» (Бозций, 1990, с. 12).

В интерпретации Э. Кассирера подход Аристотеля к образованию понятий сводится к выделению в опыте отличительных признаков, комбинация которых в дальнейшем приводит к образованию понятий и родовидовых отношений между ними. «Определение понятия через его ближайший высший род и через отличительный признак, – замечает Кассирер, – отображает то поступательное движение, путём которого реальная субстанция развёртывает последовательно свои частные формы бытия» (Кассирер, 2006, с. 13). Основным свойством аристотелевского учения о понятии становится реализм, который Кассирер вскрывает не столько деконструируя метафизическую действительность понятий, сколько критикуя логическую сторону рассуждений Аристотеля. Если понятия о видах и родах возникают у нас в результате обнаружения некоторых схожих признаков предметов, то само полагание этих сходств, как указывает немецкий философ, задаётся мышлением до всякого опыта. Этот конституирующий элемент мышления в познании переворачивает предложенную Аристотелем схему.

Чисто эмпирический взгляд на образование понятий, присущий многим философам, Кассирер критикует небезосновательно. Эта чисто реалистическая трактовка действительно сталкивается со значительными трудностями, когда речь заходит о математических понятиях. Несмотря на попытки вывести понятие числа эмпирическим путём, все они, как справедливо указывает Кассирер, сопровождались неразрешимыми проблемами. В частности, невозможно эмпирически вывести понятие иррационального числа. Если в аристотелевской логике понятие «отношения» является вторичным, то у Кассирера отношение становится ключом к пониманию математических понятий. К примеру, если исследовать ряд a, b, c, d, \dots , то только обладая знанием о характере отношений между элементами, можно вывести понятия, характеризующие каждый элемент ряда, а не наоборот. Кассирер рассматривает как продукт чистой логики не только алгебраические элементы, но и геометрические. Таким образом, он показывает априорный характер математического знания.

Модель образования понятий в математике Э. Кассирер экстраполирует и на естествознание. Позиция насчёт реализма понятий, свойственная, например, Э. Маху, противоречит действительности на этапе осмысления опыта, из предметов которого по её логике затем абстрагируются понятия. В действительности же опыт определяется мышлением, поэтому невозможно говорить о чистом экспериментальном знании. Иными словами, всякий эксперимент конструируется доопытными теоретико-понятийными рамками. Они, в свою очередь, состоят из таких понятий, как идеальный газ, абсолютная масса, инерциальное движение и т. д., которые являются предметами научной идеализации, не выводимыми из опыта, но определяющими его. В этом смысле мы экспериментально исследуем «отношения между давлением, температурой и объёмом газов, исходя из понятия об “идеальных” газах и подставляя таким образом на место непосредственных данных ощущений гипотетически придуманные модели» (Кассирер, 2006, с. 153).

Конституирующий характер познания Кассирер объясняет замещением онтологического понятия о субстанции математическим понятием о функции. Понятие о функции здесь выступает как априорная схема, в соответствии с которой происходит оформление научных понятий. Основные понятия естествознания в этом смысле нельзя редуцировать лишь к чувственным данным. В процессе познания мы достигаем истины отнюдь не путём полного сопоставления наших чувственных репрезентаций с неизменной субстанцией, а напротив, только посредством включения чувственных репрезентаций в идеальную математическую структуру, занимающую место устойчивой субстанции. Понятия естествознания поэтому являются не результатом познавательной деятельности, но её отправной точкой. Как пишет Кассирер спустя некоторое время в третьем томе своего *magnum opus* «Философии символических форм», понятие «не является уже проложенным путём, но оно есть функция прокладывания этого пути» (Кассирер, 2002, с. 237).

Теорию познания Э. Кассирера не пошатнула теория относительности А. Эйнштейна, пересмотревшая представления о пространстве и времени. Кассирер воспринял теорию относительности не как вызов, а в качестве возможности усилить критическую теорию познания. Теория относительности даёт возможность сделать шаг за «пределы Канта» для того, чтобы в конечном счёте укрепить концепцию *a priori*. Кроме того, теория относительности показала, что «прежние логические константы теории природы, что целая система понятий и числовых величин, считавшихся до сих пор безусловно однозначными и твёрдыми, приходят в движение, дабы они могли удовлетворить новым более строгим требованиям единства, выставляемых физическим мышлением» (Кассирер, 2009, с. 36).

Если взгляд Кассирера на теорию относительности можно назвать спорным, о чём недвусмысленно заявлял сам А. Эйнштейн, то общие выводы о природе познания выглядят достаточно убедительными. Метафизический пафос реализма, выражающийся в манифестации неизменного субстрата всех эмпирических явлений, из-за своей односторонности не позволяет достичь адекватного понимания природы познавательной активности, в основе которой лежит конституирующий характер мышления.

Объектно-ориентированная онтология или weird-реализм

Современный американский философ Г. Харман известен созданием популярного философского проекта – объектно-ориентированной онтологии. Очевидно, что в центре философии Хармана находятся объекты, являющиеся элементами многих философских исследований. Он настаивает, что объектно-ориентированная онтология обладает новизной, поскольку предлагает иной статус объектов, которые освобождаются от рассмотрения, опосредованного человеком или каким-то иным видом сущего.

Опосредованный характер рассмотрения объекта связан у Хармана с двумя позициями, которые он обозначает как «подрыв» и «надрыв». В позиции подрыва выражается стремление свести природу объекта к устойчивой субстанции, то есть подорвать изнутри, надрыв же предполагает редукцию сущности объекта к его отношениям с другими объектами – надрыв извне. Харман прямо говорил о своём разрыве с метафизической традицией. С его точки зрения, объекты должны быть автономны «по двум различным направлениям: возникать как нечто превосходящее сумму составляющих их частей, а также воздерживаться от отношений с другими сущностями» (Харман, 2015, с. 28). Харман неизбежно приходит к представлению о самодостаточности объектов, что следует рассматривать в качестве ключевого онтологического предписания объектно-ориентированной философии. В этом смысле такие философы, как Э. Гуссерль и М. Хайдеггер, идеи которых легли в основу методологии Г. Хармана, хоть и призывали обратить взор на реальные вещи, но в то же самое время сводили «все вещи к сфере их доступности человеческим существам» (Харман, 2015, с. 30). Иными словами, реализм в их исследовательских намерениях оборачивается идеалистическими воззрениями.

В представлении Хармана идеализмом является всякая установка, исходящая из онтологической связности человека и всего сущего. Онтологическая автономность в его философии формируется путём реализации процедур расщепления, что в конечном итоге приобрело вид объектной четверицы: реальный объект – реальные качества, чувственный объект – чувственные качества. Реальный

объект и его реальные качества остаются всегда изъятими, а чувственные объекты и чувственные качества являются коррелятами чувственных восприятий. Этот ход позволяет Харману, с одной стороны, обойти логику корреляционизма, в рамках которой бытие и мышление оказываются неразрывно связанными, а с другой – избежать подрыва и надрыва, характерных для критикуемых подходов. Мир в представлении Хармана составлен из автономных объектов, о существовании которых мы догадываемся на основе нестабильных сенсорных данных. Это странный, во многом фантастичный (weird) мир, в котором реальность вещей не только не обусловлена человеком, но всегда ускользает от него.

Онтологически недоступная реальность в перспективе объектно-ориентированной онтологии вместе с тем является непроницаемой для познавательной активности человека. Этот тезис приводит Г. Хармана к необходимости разработать особого рода эпистемологию, которая ввиду амбициозности задачи представляет особый исследовательский интерес. Если в трансцендентальной философии И. Канта «вещь в себе», которая является источником наших ощущений, исключительно умопостигаемая и к ней невозможен как прямой, так и опосредованный доступ, то в философии Хармана сохраняется возможность непрямого доступа к ней, поскольку «в чувственном мире возникают искажения, производимые скрытым объектом» (Харман, 2020 с. 222). Возможность непрямого доступа дают аллюзия и метафора, о чём говорится в эстетической части философии Хармана и его исследовании творчества Г. Лавкрафта.

Метафорический образ намекает на существование реального объекта, поскольку сам этот образ является художественной конструкцией конкретного реального объекта. По аналогии с эстетической сферой работает и наука, которая также в логике объектно-ориентированной философии не имеет прямого доступа к реальному объекту. Такой взгляд на науку подразумевает определение природы научного познания, которое трактуется как не имеющее возможности получить исчерпывающее истинное знание. Харман предлагает отказаться от представления об истинном знании в пользу знания как обоснованного мнения. Знание без истины можно трактовать как набор определённых компетенций по работе с чувственным объектом (реальный объект здесь также остаётся изъятим), составляющих основу того, что Т. Кун называл парадигмой. Тем не менее чувственный объект в практиках научного познания составляется «из реальных качеств: смутных, изначально неустановленных исходных предположений, на которых базируется парадигма» (Харман, 2021 с. 186).

В объектно-ориентированной онтологии научные теории характеризуются не истинностью, но степенью обоснованности. Реальные качества научных объектов конструируются в рамках научных

теорий, чем и объясняется эффективность науки на разных исторических этапах. Наука никогда не имеет дело с реальностью, но только с её образами, которые могут быть как более, так и менее обоснованными. Ключевым здесь является антиреализм Хармана по отношению к науке, поскольку, по его мнению, «теоретические объекты не могут соответствовать как (а) реальности, так и (б) своим собственным качествам» (Harman, 2024, p. 116). Таким образом, в хармановской философии представление об онтологически недоступной реальности формирует тезис об эпистемологической непроницаемости реального мира, онтологический реализм становится основой эпистемологического антиреализма. В этом отношении английское слово *weird* действительно верно определяет хармановский реализм, который не просто является странным, но и фантастическим, поскольку объединяет диаметрально противоположные взгляды по вопросам эпистемологии и онтологии.

Возможность познания в мире онтологически недоступных объектов

Последовательно рассматривая философские позиции Э. Кассирера и Г. Хармана, мы приходим к тому, чтобы обозначить не столько расхождения двух точек зрения, сколько место, где они смыкаются. В данном случае антиреалистический взгляд на научное познание становится местом пересечения идей Кассирера и Хармана. Между тем вполне очевидно, что для Г. Хармана Э. Кассирер является именно оппонентом, поскольку представитель неокантианской философии может быть охарактеризован как корреляционист. Факт сближения двух позиций, изначально исходящих из противоположных посылок, следует использовать для развёртывания наиболее релевантной картины познания.

Если обратиться к существующей в эпистемологии дилемме конструктивизма и реализма, то фигуры Кассирера и Хармана должны располагаться на противоположных полюсах. Теория познания Кассирера является частью конструктивистского подхода к характеру познания. Особенно важно заметить, что конструирование затрагивает не только область идеальных сущностей, то есть теорий, но и научные объекты, которые являются коррелятом познавательной активности субъекта. В противоположность этому взгляду, Харман утверждает, что наше чувственное (инструментальное) взаимодействие с окружающими объектами не исчерпывает реальное содержание этих объектов, которые всегда противопоставлены субъекту действия. Впрочем, как мы могли заметить, такая позиция ставит Хармана в неоднозначное положение и вынуждает философа одновременно удерживать онтологический реализм и согласовывать его с антиреалистическим взглядом на познание.

Как убедительно показал П. Вульфендейл, превратное толкование Г. Харманом философии М. Хайдеггера привело к тому, что автор объектно-ориентированной философии делает резкий скачок от феноменологической перспективы рассмотрения объектов к метафизической (Wolfendale, 2020, web). Э. Кассирер, напротив, исходит из резкой антиметафизической позиции, которая в некотором смысле дезавуирует исходную реалистическую хармановскую позицию. Представитель неокантианской традиции не столько отрицает существование реальности вне конкретного субъекта, – данное утверждение обладало бы не меньшим метафизическим пафосом, чем противоположное ему, – сколько сосредотачивает своё внимание на эпистемологической стороне вопроса. Основой генетической концепции знания Кассирера является положение, согласно которому научное познание имеет строгий, исторически последовательный характер, а объект науки представляет собой X, никогда полностью не достижимый и являющийся регулятивным идеалом. Такой взгляд на познание связан с очерченной выше кассиреровской теорией образования понятий, так как в процессе генетического развития абстрактные формальные структуры включаются в цепь, где каждая предыдущая структура является частным случаем последующей. Наглядным примером здесь выступает геометрия Евклида, которая является частным случаем последующих неевклидовых геометрий и полностью не исключается ими.

Такой, во многом вигистский, взгляд на развитие науки интересен в первую очередь с точки зрения научного познания, понимаемого как априорная синтетическая деятельность. Научный способ взаимодействия с миром опосредован определёнными субъективными структурами, являющимися неотъемлемой частью научного метода. В частности, об этом недвусмысленно говорил М. Хайдеггер, записанный, как было замечено, постфактум одним из инициаторов объектной философии. Хайдеггер писал о существовании некоторого «проекта природы», предшествующего всякому *experimentum*. Для него эксперимент «начинается с полагания в основу определённого закона. Поставить эксперимент – значит представить условие, при котором определённую систему движения можно проследить в необходимости протекающих в ней процессов, то есть сделать заранее поддающейся расчёту» (Хайдеггер, 1993, с. 45). Чтобы экспериментальный метод науки был эффективен при взаимодействии с миром, мир должен заранее рассматриваться не просто как наличествующий, но открытый для возможности такого познания, то есть образ мира должен быть схематично представлен познающему разуму. Следовательно, выделенные «субъективные структуры» не есть маркер индивидуальности, а значит субъективности познания; здесь подразумевается универсальный характер таких структур. Это подобно рассуждениям

Хайдеггера о схематичности научного познания (философ также использует в этом контексте понятие «набросок») как о проявлении строгости научного исследования, а также тезисам Кассирера об априорном понятии функции, непосредственно определяющем научное познание до всякого опыта.

Смешение онтологических и эпистемологических перспектив в дискурсе современных философских исследований оставляет широкое пространство для манёвра. Разумеется, наши представления о способе организации конкретной сферы сущего в полной мере не могут исчерпывать действительную онтологическую структуру. Этот взгляд в истории философии отнюдь не является принципиально новым, но сегодня часто становится предметом спекуляций касательно действительной природы познания. С нашей точки зрения, именно в этой точке можно увидеть противоречие проектов Кассирера и Хармана. Несмотря на корреляционизм всей неокантианской философии, едва ли можно утверждать, что Кассирер полностью отрицает реальность вне конкретного субъекта. Ввиду традиций кантианской философии, этот вопрос трудно назвать осмысленным, поскольку ответ на него предполагает плеяду метафизических домыслов, которые не могут привести к продуктивным следствиям. Можно предположить, что проект Кассирера всё же не предполагает полного отказа от представлений о независимой от познания реальности, подобно тому как в последующих эпистемологических проектах, именуемых конструктивистскими, онтологическое существование реальности в абсолютном смысле не отрицается (Касавин, 2020, с. 27). Более того, философия символических форм подсказывает справедливость сделанного нами допущения. Существующие символические формы, по Кассиреру, включают миф, религию, науку, язык и культуру. Они являются методами описания конкретного объекта, целостное представление о котором будет складываться в результате согласования описаний, выраженных разными символическими формами. Следовательно, в самом факте множественности разных описаний одного объекта проявляется вычленение из окружающего мира тех или иных реальных качеств.

В мире, где объекты составляют всегда нечто большее, чем наше знание о них, трудно однозначно определить познавательные возможности. Философия последовательно предлагала разные позиции по этому вопросу: превознесение состояния акаталепсии в античное время сменилось её отрицанием Ф. Бэконом, методы схоластической философии активно критиковались представителями эмпиризма и рационализма, занятыми также интеллектуальной схваткой между собой. Здесь уместно вспомнить, как Д. Юм перенёс проблему причинности из онтологической в гносеологическую плоскость и рассматривал причинность как привычку и состояние следования событий, а также критику ин-

дукции как метода, которую впоследствии преодолел, хотя и со значительными оговорками, Кант (Шмелёв, 2020).

Довольно показательно, что разные трактовки познания непременно сходятся. Если даже рассмотренные проекты Кассирера и Хармана и не покажутся репрезентативными, то последовательное рассмотрение смежных с ними проектов приведёт к аналогичному выводу. Интересен тот факт, что даже последовательный критик философии корреляционизма, постулируя существование реальности, считает необходимым говорить и о конструктивистском характере познания. Учитывая смешение онтологических и эпистемологических проблем как в современной философии вообще, так и в философии Хармана в частности, мы не можем не указать на очевидное противоречие. Утверждение о невозможности получить истинное знание о реальности не становится обоснованием её онтологической автономности, а превращается в релятивизм и воспроизводит риторику корреляционизма. Кассирер же, напротив, начинает свой путь исключительно с вопросов эпистемологии, попутно расширяя горизонт вопрошания и рассматривая различные формы символической репрезентации, и не считает необходимым рассуждать о существовании реальности вне субъекта. Если такая реальность и существует, то коснуться её можно только опосредованно, то есть посредством определённой символической схемы, очерчивающей конкретный порядок сущего, но оставляющей некоторый избыток.

*Сопrotивление природы и объективность в науке:
выход из дилеммы конструктивизма и реализма*

Дилемма конструктивизма и реализма в вопросе познания, с нашей точки зрения, не может привести к продуктивному исходу. Выход из тупика мы осуществим, используя идею «сопротивление природы». Сопротивление природы – это наличие неполноты в существующих теориях, охватывающих определённый пласт природного мира. Согласно В. Гейзенбергу, ряд имеющихся в науке теорий можно считать замкнутыми или завершёнными, то есть такими, которые позволяют правильно и непротиворечиво описать некоторый круг природных феноменов (Гейзенберг, 1987, с. 184). К таковым Гейзенберг относит классическую механику, электродинамику, специальную теорию относительности и др. Но в то же самое время значительную часть теорий нельзя назвать завершёнными или исчерпывающими, поскольку в них сохраняется пространство для теоретической и экспериментальной работы ради их усовершенствования. В таких теориях и находит отражение идея сопротивления природы.

Следовательно, сопротивление природы представляет собой также вполне определённый факт, демонстрирующий асимпто-

ческое приближение той или иной теории к исчерпывающему знанию об объектах природного мира. На уровне идеи сопротивление природы в имплицитном виде содержится в работах Ф. Бэкона, Р. Декарта А. Пуанкаре, В. Гейзенберга, П. Галисона, Л. Дастон и др., затрагивавших тем или иным образом вопрос о границах человеческого познания природного мира. На уровне факта сопротивление природы проявлялось на разных этапах истории науки. Приведём лишь несколько примеров. Во-первых, амилоидная гипотеза о причинах болезни Альцгеймера, верность которой до сих пор подтвердить не удаётся, во-вторых, теория струн, включающая и квантовую механику, и общую теорию относительности, но не подтверждённая экспериментальными данными.

В контексте намеченной проблематики сопротивление природы позволяет взглянуть на познавательный процесс как на многосоставной по своему характеру. Иными словами, сопротивление природы используется в качестве маркера для того, чтобы определить наиболее адекватную перспективу на научное познание. Это означает, что выделенное нами двустороннее определение сопротивления природы (как идеи и факта) отражает двойственный характер познания.

Возвращаясь к позициям Э. Кассирера и Г. Хармана, можно отметить наличие в их философских проектах тех идей, которые прямо или косвенно согласуются с идеей сопротивления природы. В контексте философии Кассирера сопротивление природы соответствует представлению о реальности как о неизвестном X , который последовательно уточняется, но в ходе теоретической работы никогда полностью не артикулируется. Однако сопротивление природы в полной мере не укладывается в конструктивистский подход Кассирера, поскольку потребовалось бы явное, а не имплицитное признание существования реальности вне субъекта. Для объектно-ориентированной онтологии Хармана сопротивление природы также не выступает чем-то чуждым, поскольку недоступность объектов, по существу, отражает именно эту идею. При этом концептуальное осмысление сопротивления природы в онтологии Хармана также невозможно, так как субъект познания в ней имеет дело только с коррелятом собственной познавательной активности, косвенно связанным с реальным объектом. Как можно заметить, признание двойственного характера познания у обоих философов отсутствует.

Важное значение в этой связи приобретает понятие объективности. С эпистемологической точки зрения объективность есть адекватность знания реальности. По справедливому замечанию Е.А. Мамчур, понимаемую таким образом объективность следует отличать от объектности, то есть от возможности «описать объект как он существует сам по себе, без отсылки к наблюдателю или прибору» (Мамчур, 2002, с. 10). Нетрудно заметить, что для кон-

цепций Кассирера и Хармана объективность является ещё одной точкой противоречия. Кассирер выступает с критикой реализма в научном познании, но сама по себе объективность является для него важным признаком научного знания. Харман, напротив, утверждая невозможность описать реальность *per se*, говорит именно об объектности и подменяет ей эпистемологическую объективность. Благодаря этому обнаруживается причина того, что риторика Хармана приобретает конструктивистский и вместе с тем релятивистский тон. Ввиду искажённого представления об объективности, он занимает открытую антиреалистическую позицию по отношению к объектам науки.

Сопротивление природы, имеющее двойственное содержание (идеи и факта), является ключевым элементом практик научного познания. Реализм, утверждающий реальность теоретических объектов науки, и конструктивизм, отрицающий реальность вне субъекта, не могут представить динамичную картину сопротивления природы, так как сосредотачивают внимание лишь на одном из его проявлений. Соответственно, ограничиваясь данными позициями, мы лишаемся возможности целостного рассмотрения научного познания. Кассирер и Харман, расходясь, в первую очередь, в онтологическим вопросах, сходятся однако в конструктивистской трактовке научного познания. Даже с учётом того, что сопротивление природы не входит в принципиальное противоречие с концепциями Кассирера и Хармана, предложенные философами теоретические рамки не способны концептуально схватить сопротивление природы.

Следовательно, имеет смысл отказаться от поляризации взглядов на научное познание и выбрать срединный путь, в котором учитывались бы наиболее релевантные тезисы двух позиций. Такое намерение обозначил В.А. Лекторский в его концепции конструктивного реализма (Лекторский, 2018), объединяющего позиции реализма и конструктивизма. Конструктивный реализм, с нашей точки зрения, не просто позволяет концептуально рассмотреть сопротивление природы, но и исследовать двойственность научного познания, имеющего дело с независимой реальностью, но при этом не лишённого конститутивного характера.

Подобного комплексного рассмотрения нет у Э. Кассирера и Г. Хармана, как нет и у их сторонников. Однако следует отдать должное Кассиреру в том, что его философский проект избегает гиперболизации. В частности, на основании его идеи символических форм можно сделать вывод, что Кассирер считает возможным существование автономной реальности вне познающего субъекта, но такой вывод возможен только при условии дальнейшего развития идей философа. Если настоящее замечание остаётся дискуссионным, то главными преимуществами Кассирера перед Харманом будут по крайней мере верное истолкование эпистемологической

объективности и признание её необходимости в контексте научного знания. Кассирер часто демонстрирует, что научное знание должно быть объективным, поскольку выявляет постоянное математическое отношение, в которое вписан конкретный объект природного мира. В противном случае при отсутствии объективности как идеала можно было бы говорить о полной дисквалификации научного метода.

Заключение

Рассмотрев представления двух философов, жизни которых разделяло целое столетие, мы достигли главного – обозначили возможные варианты трактовки научного познания. Сложно представить исследование, где имена Кассирера и Хармана оказались бы в контексте одной темы. Причин для этого множество: широкая популярность последнего и относительная малоизвестность первого, кардинальный разрыв в подходах и стилях, принадлежность различным философским школам и т. д. Однако подчеркнём, что осуществлённый наш выбор не был подобен броску игральных костей, как может показаться на первый взгляд, а опирался на намерение воспроизвести вполне определённую логику.

История философии нескольких последних сотен лет содержит множество идей, относящихся к вопросу о познании человеком природного мира. Одним из способов такого взаимодействия стало и научное познание. Отдельное место в этом вопросе заняла трансцендентальная философия И. Канта, указывающая на априорный характер человеческого познания. В дальнейшем идеи Канта получили новую интерпретацию и развитие, но выведенная им концепция *a priori* и обозначенная идея конститутивного характера мышления сохраняют своё влияние до сих пор. С нашей точки зрения, оригинальную форму развития кантовских идей предложил именно Э. Кассирер. Ему не только удалось актуализировать их, но и сделать следующий шаг, сохраняя верность основным принципам трансцендентальной философии.

Ряд современных философских проектов, среди которых особое место занимает спекулятивный реализм, предлагают идеи о принципиальном преодолении человека. Человеческий субъект остаётся одним из видов сущего, не имеющим никаких отличительных черт. Такая онтологическая картина не предусматривает позитивного сюжета для познавательных возможностей человека. Объединить таким образом взгляды всех философов было бы большой ошибкой, но с данным описанием соотносится философия Г. Хармана. Объектно-ориентированная онтология является не просто манифестом об онтологическом статусе реальности, но и декларацией неизбежной капитуляции науки перед вызовом реальных объектов.

При необходимости имена Кассирера и Хармана могут быть заменены именами других интеллектуалов, представляющих ту или иную эпистемологическую позицию. Важно только то, что последовательный реализм и конструктивизм, приходящий всякий раз к гиперболизации взглядов, не позволяют разрешить дискуссию о специфике научного познания. По этой причине нами был предложен альтернативный взгляд, выраженный в том числе в концепции конструктивного реализма.

Срединный путь, синтезирующий позиции конструктивизма и реализма, позволяет представить более адекватную картину познавательной деятельности. Концепция конструктивного реализма, с нашей точки зрения, помогает осмыслить содержание предложенной идеи о сопротивлении природы, а также обозначить двойственность научного познания. Согласно конструктивному реализму, наука имеет дело с реальным автономным миром природы, но познавательная деятельность не представляет собой только отражение реальности в знании, а содержит ещё и конструктивистский элемент. Кроме того, объективность играет ключевую роль, обеспечивая валидность имеющихся методов исследования. Совершенно справедливы слова Кассирера об обилии идеальных сущностей в науке, но вместе с тем мы полагаем, что научное познание является феноменом намного более широким, чем его представляет немецкий философ. Сопротивление природы, таким образом, выступает важным регулятором внутри самой науки, поскольку в соответствии с ним происходит уточнение научной теории, а также обладает методологической ценностью в рамках дискуссии, существующей вокруг вопроса о характере научного познания.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

- Аристотель, 1978 – *Аристотель*. Категории / Ред. В.Ф. Асмус // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 51-90.
- Боэций, 1990 – *Боэций*. Комментарий к Порфирию / Ред. Г.Г. Майоров // Боэций. Утешение философией и другие трактаты. М.: Наука, 1990. С. 5-144.
- Витгенштейн, 2022 – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / Пер. с нем. В. Руднева. М.: Академический проект, 2022. 271 с.
- Гейзенберг, 1987 – *Гейзенберг В.* Критерии правильности замкнутой теории в физике / Пер. с нем. В. Библихина // Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987. 366 с.

Касавин, 2020 – *Касавин И.Т.* Наука – гуманистический проект. М.: Весь Мир, 2020. 496 с.

Кассирер, 2006 – *Кассирер Э.* Познание и действительность. Понятие субстанции и понятие функции / Пер. с нем. Б. Столлнера, П. Юшкевича. М.: Гнозис, 2006. 400 с.

Кассирер, 2009 – *Кассирер Э.* Теория относительности Эйнштейна / Пер. с нем. Е. Берловича, Я. Колубовского. М.: Либроком, 2009. 144 с.

Кассирер, 2002 – *Кассирер Э.* Феноменология познания // Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 3. / Пер. с нем. С. Ромашко. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 398 с.

Коген, 2010 – *Коген Г.* Принцип метода бесконечно малых и его история. Опыт обоснования критики познания / Пер. с нем. С. Секунданта // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 26. № 4. С. 223-229.

Коген, 2012 – *Коген Г.* Теория опыта Канта / Пер. с нем. В. Белова. М.: Академический Проект, 2012. 618 с.

Мамчур, 2004 – *Мамчур Е.А.* Объективность науки и релятивизм: (К дискуссиям в современной эпистемологии). М.: ИФ РАН, 2004. 242 с.

Лекторский, 2018 – *Лекторский В.А.* Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма // Философия науки и техники. 2018. Т. 23. № 2. С. 18-22.

Наторп, 2006 – *Наторп П.* Избранные работы / Пер. с нем. В. Куренного. М.: Территория будущего, 2006. 384 с.

Огурцов, 2000 – *Огурцов А.П.* Философия науки в 20 веке: успехи и поражения (статья первая) // Философия науки. 2000. Т. 6. № 1. С. 188-214.

Свасьян, 1989 – *Свасьян К.А.* Философия символических форм Э. Кассирера: Критический анализ. Ереван: Издательство АН АрмССР, 1989. 238 с.

Сокулер, 2021 – *Сокулер З.А.* Герман Коген и его идея логики чистого познания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2021. Т. 25. № 3. С. 378-393.

Фридман, 2021 – *Фридман М.* Философия на перепутье: Карнап, Кассирер и Хайдеггер / Пер. с англ. В. Целищева. М.: Канон+, 2021. 352 с.

Харман, 2021 – *Харман Г.* Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / Пер. с англ. М. Фетисова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. 270 с.

Харман, 2015 – *Харман Г.* Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / Пер. с англ. А. Морозова, О. Мышкина. П.: Гиле Пресс, 2015. 152 с.

Харман, 2020 – *Харман Г.* Weird-реализм: Лавкрафт и философия / Пер. с англ. Г. Коломийца, П. Хановой. П.: Гиле Пресс, 2020. 258 с.

Хайдеггер, 1993 – *Хайдеггер М.* Время картины мира / Пер. с нем. В. Бибикина // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 41-62.

Шмелев, 2020 – *Шмелев Д.А.* Влияние эмпиризма Юма на эпистемологию Канта // Международный журнал экспериментального образования. 2020. № 6. С. 76-80.

Harman, 2024 – *Harman G.* Weird fallibilism: Feyerabend, Lakatos, and justified true belief // Epistemology and Philosophy of Science. 2024. Vol. 61. No. 3. Pp. 105-119.

Wolfendale, 2014, web – *Wolfendale P.* Object-Oriented Philosophy: The Noumenon's New Clothes. Urbanomic, 2014. 440 p.

References

- Aristotle. (1978). Categories. In Aristotle. *Works in 4 volumes. Vol. 2.* Mysl Publ. (In Russian)
- Boecius. (1990). Commentary on Porphyry. In Boecius. *Consolation by Philosophy and Other Treatises.* Nauka Publ. (In Russian)
- Cassirer, E. (2006). *Cognition and Reality. The Concept of Substance and the Concept of Function.* Gnosis Publ. (In Russian)
- Cassirer, E. (2002). Phenomenology of cognition. In E. Cassirer. *Philosophy of Symbolic Forms.* Vol. 3. Universitetskaya kniga Publ. (In Russian)
- Cassirer, E. (2009). *Einstein's Theory of Relativity.* Librocom Publ. (In Russian)
- Cogen, G. (2010). The principle of the method of infinitesimals and its history. Experience of substantiation of the critique of cognition. *Epistemology and Philosophy of Science*, 26. (4), 223-229. (In Russian)
- Cogen, G. (2012). *Kant's Theory of Experience.* Academic Project Publ. (In Russian)
- Friedman, M. (2021). *Philosophy at the Crossroads: Carnap, Cassirer and Heidegger.* Kanon+ Publ. (In Russian)
- Harman, G. (2015). *The Fourfold Object: the Metaphysics of Things after Heidegger.* Gile Press. (In Russian)
- Harman, G. (2021). *Object-Oriented Ontology: a New Theory of Everything.* Ad Marginem Press. (In Russian)
- Harman, G. (2020). *Weird-Realism: Lovecraft and Philosophy.* Gile Press. (In Russian)
- Harman, G. (2024). Weird fallibilism: Feyerabend, Lakatos, and justified true belief. *Epistemology and Philosophy of Science*, 61, 3, 105-119.
- Heidegger, M. (1993). Time of the world picture. In M. Heidegger. *Time and Being: Articles and Speeches.* Respublika Publ. (In Russian)
- Heisenberg, W. (1987). Criteria of correctness of the closed theory in physics. In W. Heisenberg. *Steps Beyond the Horizon.* Progress Publ. (In Russian)
- Kasavin, I. T. (2020). *Science Is a Humanistic Project.* Ves' Mir Publ. (In Russian)
- Lektorsky, V. A. (2018). Constructive realism as a modern form of epistemological realism. *Philosophy of Science and Technology*, 23 (2), 18-22. (In Russian)
- Mamchur, E. A. (2004). *Objectivity of Science and Relativism: (To Discussions in Modern Epistemology).* The Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian)
- Natorp, P. (2006). *Selected Works.* Territory of the Future Publ. (In Russian)
- Ogurtsov, A. P. (2000). Philosophy of science in the 20th Century: successes and defeats (article one). *Philosophy of Science*, 6 (1), 188-214. (In Russian)
- Shmelev, D. A. (2020). Influence of Hume's empiricism on Kant's epistemology. *International Journal of Experimental Education*, 6, 76-80. (In Russian)
- Sokuler, Z. A. (2021). Hermann Cogen and his idea of the logic of pure cognition. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy*, 25 (3), 378-393. (In Russian)
- Svasyan, K. A. (1989). *The Philosophy of Symbolic Forms by E. Cassirer: Critical Analysis.* Academy of Sciences of the Armenian SSR Publ. (In Russian)
- Wittgenstein, L. (2022). *Tractatus Logico-Philosophicus.* Academic Project Publ. (In Russian)
- Wolfendale, P. (2014). *Object-Oriented Philosophy: the Noumenon's New Clothes.* Urbanomic.